

Г. Г. Громов

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИИ

Статья С. А. Токарева «О религии как социальном явлении (Мысли этнографа)»¹ принадлежит к числу сравнительно редких по форме научных работ. Эта статья — размышления, раздумья крупнейшего советского этнографа и религиоведа о месте и роли религиозных представлений (точнее, заблуждений) в жизни человеческого общества. Отсюда, видимо, и этюдное построение статьи, где в каждом из разделов С. А. Токарев стремится высказать свое мнение по важнейшим, с его точки зрения, назревшим и нерешенным до конца проблемам. Автор не раз подчеркивает, что высказываемые им суждения не отменяют и не подменяют всего того, что было сделано в изучении религий до сей поры (с. 103, 104). Но его заботит прежде всего и более всего дальнейшее направление изучения — по каким путям оно должно идти, какие проблемы и вопросы должен ставить перед собой исследователь. Думается, что несколько заостренный полемически тон оппонентов С. А. Токарева в разгоревшейся дискуссии не вполне оправдан².

Затронутые С. А. Токаревым аспекты соотношения религиозных представлений и жизни реального человеческого общества очень широки, как обширны и привлекаемые им материалы и доказательства. И здесь весьма трудно соревноваться с ним. Видимо, целесообразнее принять его приглашение к размышлению и высказать назревшие суждения — не по всем затронутым вопросам, а лишь по тем, которые ближе всего мне как специалисту в области русской этнографии.

Каждый, кто наблюдал и наблюдает роль и место религии в жизни населения, реальное бытование религиозных представлений, не может не согласиться с развиваемым в начале статьи положением С. А. Токарева. Действительно, то, что мы нередко и не всегда правильно называем религией данной группы населения³, будь то этническая или локальная группа (например, куст деревень) — при более пристальном анализе оказывается весьма аморфными, неопределенными или, по выражению С. А. Токарева, «расплывчатыми» представлениями (с. 88). Неопределенность эта касается, пожалуй, всех сторон религиозных представлений. Наряду со сведениями, почерпнутыми теми или иными путями из христианских священных книг, — Ветхого и Нового завета, можно услы-

¹ «Сов. этнография» (далее СЭ), 1979, № 8, с. 87—106 (в дальнейшем ссылки на эту статью даются в тексте).

² Д. М. Угринович. О марксистском понимании религии. — СЭ, 1980, № 1; И. А. Кривелев. О существенном и несущественном в изучении религии. — Там же; Ю. И. Семенов. О сущности религии. — Там же, № 2.

³ Понятие религия часто воспринимается населением не только и даже не столько как вера в некие сверхъестественные силы, а как сложный синкретический комплекс представлений. В этом комплексе перемешаны и правовые нормы, и морально-этические принципы, и объяснение строения мира, и многое другое.

Этот рассказ о том, что Илья пророк глуховат по старости, недослышал наказа и вместо того чтобы посылать дождь, когда люди будут просить, посылает его, когда те начинают косить. Практически мне за тридцать с лишним лет полевой работы не пришлось ни разу встретить сколько-нибудь связного изложения христианской концепции ни по одному из вопросов, на решение которых претендует религия. И вопросы происхождения, и вопросы происхождения человека, и мораль, и право, и этика — все это в объяснениях наших информаторов имело в лучшем случае лишь известный налет христианского вероучения. Та же расплывчатость и эклектика постоянно прослеживаются и при изучении обрядов. Да, венчание происходило в церкви, да, на похороны приглашали священника, да, считали обязательным крещение ребенка. Но стоит выслушать последовательный рассказ о том, как от начала до конца исполняется самый обряд, и приходится констатировать, что чисто церковные моменты в нем занимают на удивление малое место. Большая часть обрядовых действий, даже тех, которые совершаются в присутствии священника, никакого отношения к христианству не имеет. А ведь именно в семейной обрядности церковь стремилась занять прочные позиции хотя бы потому, что плата за церковные требы составляла значительную часть ее доходов.

Можно было бы привести еще немало фактов и наблюдений подобного рода, но их и так хорошо знают все этнографы — исследователи религии. Поэтому заданный С. А. Токаревым вопрос: «В чем же суть религии?» — не кажется ни странным, ни несвоевременным, несмотря на известные всем нам определения религии. В этом действительно стоит разобраться более внимательно.

Один из оппонентов С. А. Токарева, Ю. И. Семенов, уже цитировал определение религии, данное Ф. Энгельсом⁴. В целом религия, несомненно, является фантастическим отражением действительности в головах людей. Но здесь уместно вспомнить и определение религии, данное В. И. Лениным, в котором подчеркивается, что религия — это пустоцвет на древе познания⁵. Вообще познания, а не только на древе познания добра и зла, как это можно заключить по 6—9-му разделам статьи С. А. Токарева (с. 92—96). Для человеческого общества знание, мысль, познание как окружающей его среды, так и общества, в котором он живет, и, наконец, познание самого себя как личности, своего места в этом мире сложнейших взаимоотношений между своим «я», обществом и природой — не причуда, не развлечение на досуге, а необходимость существования его как Человека. Опосредствование отношений между человеком и природой через культуру, т. е. тот сложный механизм взаимосвязей, который создается орудийной и другой производственной деятельностью человеческого общества, неизбежно порождает и необходимость знания, причем знания не отдельных процессов или явлений, а знания как системы представлений об окружающем человека мире. Какими бы малыми ни казались нам знания человека далекой первобытной эпохи, но это были знания, а не просто опыт одной особи. Да и сама оценка таких знаний с современных позиций всегда грешит некоторым искажением — не так уж мало знали наши далекие предки, и чем глубже и внимательнее мы изучаем историю первобытной культуры, тем больше убеждаемся в этом⁶. Несомненно, эти знания не только количественно, но прежде всего качественно не идут ни в какое сравнение с тем, что

⁴ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 328. В статье Ю. И. Семенова соответствующая ссылка дана на с. 56.

⁵ В. И. Ленин. К вопросу о диалектике.— Соч., т. 29, с. 322.

⁶ Установлено, например, что уже в палеолите человек не только знал систему счета, но пользовался ею для вычисления лунного календаря. На русском языке об этом см. Б. А. Фролов. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974.

дает в наше распоряжение наука. Однако и излишне пренебрежительное отношение к системе знаний человечества в прошлом явно неоправдано.

И вместе с тем, если открыть любое, даже очень серьезное этнографическое исследование, мы найдем там специальный раздел о религии, иногда весьма подробный и объемистый, а о системе положительных знаний — в лучшем случае небольшой и беглый очерк⁷. Неизбежно создается не только впечатление, но устойчивая традиция: знаниям уделяется мало внимания, а вот системе «пустоцвета» на древе познания — непомерно много. И когда С. А. Токарев пишет, что содержание религиозных представлений массе населения практически не было известно или мало их интересовало, то это может быть справедливо именно потому, что людей в их практической, реальной жизни более всего занимало то, что так бегло описывается в этнографических работах как «положительные знания». Поэтому вполне естественно, что большинство предпочитало «совершать установленные обряды, приносить жертвы» (с. 89) — и только, ибо «бог-то бог, а сам не будь плох» и «молитвой сыт не будешь». И беда наших религиоведческих исследований не только в том, что создается известный крен в сторону рассмотрения чисто богословских концепций разных вероучений, но и в том, что недостаточно четко определяются место, удельный вес религиозных представлений в системе человеческого знания конкретной эпохи вообще.

Если обратиться к самому элементарному анализу любой реальной формы человеческой деятельности, то неизбежно выстраивается сложнейшая цепь взаимосвязей между всеми этапами этой деятельности. При собирательстве, например, человеку надо было знать все виды полезных растений, а таких видов насчитывалась не одна сотня⁸, сроки их вегетации, ибо у одних растений шли в пищу или для иных целей молодые побеги, у других — зрелые корни, у третьих — уже подсохшие семена. Нужно было знать места произрастания растений, сопутствующие им растения, чтобы легче такие места разыскать и т. д. и т. п. Прибавьте к этому и необходимые знания по сбору, обработке, приготовлению в пищу полезных растений — а это нередко целые технологические циклы. Нужно было не просто знать все это, но еще и передать знания последующим поколениям, чтобы не прервалась не слишком-то прочная на данном уровне развития преемственность в культуре. Нужно было уметь определить такой сложнейший фактор жизни, как время — ведь сроки вегетации необходимо соотносить и с какой-то более абстрактной категорией. Надо было учесть и возможные влияния погоды. Словом, если бы мы попытались выстроить весь этот процесс в цепочку взаимных связей, не упуская по возможности ни одной существенной из них, это заняло бы не одну страницу. И когда мы сопоставим именно такое развернутое представление о размерах необходимых человеку положительных знаний с теми магическими действиями, которые порой совершались ради «умножения урожая», то вера в духов растений окажется столь мизерной, а «общение» с ними столь несущественным в реальной жизни, что станет понятным, почему люди не так уж сильно интересовались различными построениями чисто религиозного порядка. Не менее сложными и многообразными были необходимые человеку знания в охоте, рыболовстве, во всех сторонах его бытовой жизни. Нелегко давался людям и опыт социальных отношений разного уровня и характера — от отношений в семейной группе до межплеменных.

---

⁷ В этом отношении весьма показателен том «Народы Австралии и Океании» (серия «Народы мира, Этнографические очерки»), М., 1956, вышедший под редакцией С. П. Толстова и С. А. Токарева. В нем религии австралийцев посвящена 41 страница (с. 209—250), а положительным знаниям и народному творчеству — 20 страниц (с. 251—271).

⁸ Жозуэ де Кастро. География голода. М., 1954, с. 61—62.

С усложнением и развитием человеческой культуры, появлением новых хозяйственных занятий, специализацией отдельных социальных групп и слоев в тех или иных областях человеческой деятельности неизменно возрастает и сложность необходимых реальных знаний об окружающем мире, постижения его закономерностей. Вместе с тем неизбежно усложняется и то, что мы относим к религии соответствующих этапов человеческого общества. Религия, культ, исполнение обрядности становятся привилегией и обязанностью определенной группы лиц — жрецов, священнослужителей. За отсутствием данных трудно судить, располагали ли такие группы тайной концепцией по всем вопросам мироздания и мировоззрения. Но даже при самом беглом обзоре известных нам фактов можно уверенно заключить, что специализация на культах и обрядности вырастала опять-таки не сама по себе, а как пустоцвет на тех действительно необходимых и вполне реальных знаниях о движении солнца, планет и иных светил; все же вместе это было необходимо для определения оптимальных сроков полевых работ и для удовлетворения других усложнившихся потребностей общества. То, что такие знания преподносились населению и воспринимались им как некое чудесное, богами данное явление, вовсе не меняет их весьма реалистичной сути. Появление письменности, первых математических знаний, первых медицинских открытий, с одной стороны, было не чем иным, как обобщением сложнейшего предыдущего опыта тысяч поколений, а с другой — порождением потребностей нового этапа в развитии человеческой культуры. И если древние жители Шумера или Египта, Индии или Перу могли ничего не знать о «тайнах» жреческого сословия в содержании самих верований, довольствуясь ролью зрителей при отправлении обрядов, то другая функция этой новой социальной группы, чисто практическая, т. е. определение срока посева, использование письменности в управлении государством, взимании налогов, исчислении процентов, судебной деятельности и многое другое, что в большей или меньшей степени связывалось с деятельностью жречества, — эта функция весьма ощутимо касалась жителей вновь возникшей государственной системы. И здесь, если разделить собственно религиозные моменты от необходимой практики жизни, роль религии, ее «суть» окажется весьма скромной и незначительной. Видимо, эта мысль определила название одного из фундаментальных исследований С. А. Токарева «Религия в истории народов мира» (а не просто «История религии»)». Отсюда, как мне думается, и та ущербность, недостаточность в разработке собственно религиозных систем и постулатов, их эклектичность, противоречивость, непоследовательность, их дробленые между отдельными божествами и культами. И плохо верится, что когда-либо было иначе — ведь религиозные верования, точнее, религиозные по характеру, по сути объяснения тех или иных явлений, всегда паразитируют на действительном знании, на действительных закономерностях, открытых или только приоткрытых человеком. Религиозные объяснения таких закономерностей и есть фантастическое отражение в головах людей реальной действительности. Но вначале должна быть реальная действительность.

Заслуживает внимания и еще одна особенность того комплекса представлений, который нередко воспринимается как определенная религиозная система (раз уж мы заговорили о таких системах), — что же в этих системах действительно религиозного? Возьмите знаменитые заповеди: «не убий», «не укради», «чти отца и мать свою» и т. д. Но разве это религия? Разве это не подведение итогов длительного социального опыта людей, определенные правила необходимого социального общежития? В фольклоре любого народа вы найдете назидательные сказки с тем же самым заключением о пользе добра и о неизбежной наказуемости поро-

⁹ С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1964.

ка, только в гораздо более яркой, образной форме, а значит и более действенной в воспитании моральных убеждений человека. Чаще всего религия привносит в подобные морализирующие сюжеты одно — страх божественного наказания. Потому нельзя убивать, что в день страшного суда или сразу после смерти (определенного ответа на этот вопрос христианство, например, не дает) грешник, виновный в нарушении заповеди, будет наказан. Фольклорные варианты чаще обещают наказание уже в этой жизни. И еще одно, самое существенное отличие религиозного толкования — не потому «не убий», что это наиболее противоестественный акт человеческих отношений, а потому, «что бог не велит». Нетрудно разглядеть, что в подобных построениях церковь, церковное учение как бы вклинивается в общепринятые заповеди нормативов человеческого поведения. Опять церковь, религиозное учение — они и здесь верны своей природе — паразитируют на социальном опыте человеческого общества, не давая ничего положительного, а всего лишь навязывая свое толкование причин, по которым нельзя делать то-то и то-то, а нужно делать так-то и так-то. При анализе той или иной религиозной системы исследователи вслед за теологами — в этом упреке, несомненно, прав С. А. Токарев — разбирают некую систему взглядов, часто не давая себе труда отделить, что же в ней действительно религиозного, а что — обобщение опыта людей, их наблюдений, той суммы накопленных, практических, в том числе и социальных знаний (мораль, право, этика), неизбежных и необходимых в жизни любого человеческого общества. В результате такой подмены сама религия предстает перед нами во внушительных одеждах, хотя большая часть тканей, из которых они изготовлены, никакого отношения к собственно религии не имеет.

Необходимо заметить, что далеко не каждое заблуждение, которыми полны средневековые европейские представления о строении Земли, Вселенной, мы вправе относить к религии. Представление о Земле, как о некоей плоскости, покоящейся на трех слонах, и т. п., конечно же, фантастично, не соответствует действительности, как фантастичны рассказы о людях с песьими головами. Но такое представление — не религия, а простое заблуждение, фантазия, выдумка, попытка компенсации недостатка знаний. В этой фантазии отсутствует основное, что присуще религии — потусторонняя сверхъестественная сила. Проследить гносеологию подобных ошибочных построений, учитывая замкнутый мирок средневекового образа жизни, ограниченный для большинства рамками небольшой окружности, несложно. Несложно понять и чисто человеческое стремление как-то возместить, компенсировать недостаток знаний фантазией. Совсем иное мы видим в решении тем же христианством вопросов возникновения мира — «вначале было слово, и слово было у бога, и слово было бог»¹⁰ — здесь никаких кривотолков и быть не может. Первопричина определена ясно. Впрочем, сама картина создания мира и возникновения в нем тех или иных явлений в христианстве изложена отрывочно, непоследовательно, эклектично, часто противоречиво, что не раз отмечали критики христианства. И это относится не только к концепции «зла и греха» — вся система христианских представлений о возникновении мира крайне нелогична и непоследовательна, уступает в логической стройности любому «языческому» мифу на тот же сюжет (с. 92). Но является ли эта черта свойством только христианства, как одной из мировых религий? Совсем нет. Пожалуй, ни одна из наиболее крупных религиозных систем или «вер» не располагает целостной концепцией жизни¹¹. Более того, создается впечатление, что ни одна из мировых религий и не ставит перед собой задачу дать такую концепцию, разработать ее, создать сколько-нибудь стройную систему представлений о возникновении мира, человека и всего живого на земле, основных законах,

¹⁰ Евангелие от Иоанна, гл. 1.

¹¹ См., например, С. А. Токарев. Религия в истории народов мира, гл. 13—24.

управляющих этим миром. Внимание в религиозных «системах» сосредоточивается то на одном, то на другом аспекте человеческой жизни в ее религиозном понимании. Те различия между религиями, которые С. А. Токарев трактует как различное отношение ко злу, кажутся скорее различиями именно в аспектах, имеющих первостепенное значение в разных религиях. И в этом плане мы вправе задать себе вопрос — а насколько действительно оправдано деление людей по религиозным вероисповеданиям, по соответствующим «верам», существуют ли они на самом деле? Когда людей по вероисповеданию относят к числу христиан, мусульман, буддистов или др., то о чем собственно идет речь — об отнесении к числу последователей вероучения или сторонников определенной церкви? Ведь понятия эти далеко не равнозначны. Очень верно подмеченное С. А. Токаревым противоречие между религиозным самосознанием (христиане, мусульмане и т. д.) и осведомленностью хотя бы в основных постулатах вероучения у большинства верующих — очевидная реальность, хотя из этого вовсе не следует вывод, что раз человек слабо разбирается в канонах веры, то он «слабоверующий» или совсем неверующий. Даже степень исполнения обрядов, предписываемых той или иной религией, еще не является показателем приверженности к вере. Современное бытование религии в Западной Европе особенно убедительно показывает, что исполнение обрядов сводится к минимуму. Однако это не мешает многим в четком определении своего вероисповедания, т. е. отнесении себя к определенной церкви. И в этом плане весьма любопытно наблюдение С. А. Токарева, что «религия... есть не столько отношение человека к богу (богам), сколько отношение людей друг к другу по поводу представлений о боге (о богах)» (с. 91). По-видимому, здесь, как и в любом анализе идеологических явлений, необходимо проводить четкую грань между собственно идеологией, мировоззрением людей, и теми социальными институтами, которые обслуживают это мировоззрение или оправдывают им свое существование. Мне не кажется слишком убедительным тезис С. А. Токарева о главном различии между религиями в их концепциях зла и добра. Да и сама проблема эта, как и многие другие, выходит за рамки только религиозных воззрений — претензии церковью на монополию в ее решении столь же неосновательны, как и претензии на решение других морально-этических проблем. Поэтому в данном случае речь может идти не столько о религиях вообще, сколько о группах людей, объединенных одной церковью. Собственно вероисповедание есть осознание своей принадлежности к определенной церкви, как к социальному институту, организации. Насколько такая принадлежность подкреплена и полным приятием идеологических канонов данной церкви в реальной действительности, оказывается вопросом второстепенным как с точки зрения самих верующих, так и церкви. И С. А. Токарев приводит немало примеров именно такой двойственности. Если быть последовательным, то нужно признать, что различия, которые составляют духовный мир верующего, его представления о вере, можно без труда обнаружить не только между массами последователей разных религий, но и между отдельными группами приверженцев одной и той же религии. Православие русских крестьян, например, весьма сильно отличалось от православия помещиков, хотя они и молились в одной церкви, исповедовались у одного попа. Видимо, следует говорить не о религиях, как выражении отношений людей друг к другу, а именно о церквях, объединяющих людей одной веры и разъединяющих людей разных вер, направлений, толков, сект и т. п. С современной точки зрения разница в содержании (или особенностях вероучения) различных религий на удивление мала. Еще меньше разница между течениями одной религии (например, троеперстие или двоеперстие при сотворении крестного знамения у никонианцев и староверов). Но ведь действительно люди шли на смерть «за веру». Во имя чего? Что их разде-

ляло и делало непримиримыми? Разве вера? Нет. Прежде всего осознание принадлежности к определенной церкви как социальному институту со всеми вытекающими из этого последствиями. Обычное для средневековья обвинение в ереси чаще всего большинством населения не только не понималось, но они и не пытались это понять — достаточно было знать, что «своя» церковь, «свои» попы объявили кого-то еретиком, богоотступником, — и жесточайший приговор приводился в исполнение. Но точно так же поступили бы и «еретики», окажись право и сила на их стороне. Церковь, именно церковь, становилась источником, судьей «истинности веры». Слепое повиновение и следование суждениям церкви (не веры, не вероучения, а церкви!) — типичнейшая черта большинства, если не всех, процессов над ересями. Эти процессы средневековья поражают своей жестокостью и фанатизмом, но и в новое время предание Льва Николаевича Толстого анафеме основано было все на том же церковном фанатизме. Поэтому тезис С. А. Токарева, что религия «подобно любому другому явлению культуры, как материальной, так и духовной выполняет важнейшую общественную функцию: как-то объединять, сплачивать определенную группу людей и тем самым противопоставлять ее всем другим группам» (с. 97), звучит, учитывая все сказанное выше, несколько странно. И прежде всего потому, что вряд ли правомерно столь решительно равнять религию (пустоцвет, заблуждение) и другие явления человеческой культуры. При всех возможных как положительных, так и отрицательных воздействиях других областей культуры на развитие общества, все они — явления реальные, рациональные, прибавляющие нечто к богатству человечества. В этом смысле религия — величина иррациональная, мнимая. Она ничего не дает людям. Ее соединительная или разъединительная функция также иллюзорна, мнима, как и все остальные приписываемые религии «достоинства». Фактически речь идет не о роли религии, а о роли церкви, вероисповедания, т. е. об определенной организации людей. Что подобная организация весьма условно связана с реальными представлениями о религии у массы верующих, подтверждается многими фактами, в том числе и приводимыми С. А. Токаревым. Здесь же стоит отметить лишь один момент из истории формирования вероучений.

Большая часть исследователей пользуется достаточно стандартной схемой развития мировых религий¹². Из некоего числа источников более древнего периода заимствуются отдельные положения, мифы, каноны, постулаты. В какой-то момент все это объединяется новым вероучением и наступает период распространения новой веры, завоевание приверженцев. Дальнейшее развитие веры представляется уже как деление единого целого на течения, секты, ереси и т. п. При этом взаимоотношения нового вероучения и новой церкви рассматриваются как явления, органически связанные, сплетенные между собой, где вера, ее постулаты определяют и церковь, церковную организацию. Если исходить из подхода, названного С. А. Токаревым «богословским», то такая схема вполне логична. Если же учесть апелляцию С. А. Токарева к необходимости изучать прежде всего массовое восприятие религии, массовые представления о вере, то картина существенно изменится. Впрочем, единство церкви и вероучения и по «богословской» схеме — явление скорее желаемое, декларируемое, чем действительное.

На самом деле развитие наиболее крупных религий, таких как христианство, ислам и им подобных, шло гораздо более сложным путем. Прежде всего необходимо здесь подчеркнуть развитие двух, хотя и связанных, но различных по сути явлений — формирования соответствующей церкви, т. е. определенного социального института, и формирования соответствующего вероучения. В данной статье мы не вправе

¹² В числе таких исследователей и сам С. А. Токарев. См. С. А. Токарев. Религия в истории народов мира, с. 436—526 и др.

заниматься на вопросы формирования церкви — это особая и сложная проблема собственно истории. Но и вероучение любой из крупных церквей мира вряд ли правомерно рассматривать как нечто данное или сложившееся уже к моменту возникновения данной церкви. Наоборот, анализ показывает, что в основе всех крупных современных церквей лежат крайне расплывчатые, далеко не оригинальные (чаще всего, заимствованные «по соседям») лишь отправные моменты нового культа. Если брать конкретно христианство, то в ранних христианских общинах момент социального действия, а не вероучения, кажется господствующим. Первоначальные общины просто пытались воплотить в жизнь те идеи равенства, справедливости, морали, которые без труда можно найти в любом варианте любой религии, любой философской системы прошлого. Для социальной практики подбирались из разных источников уже готовые, более или менее разработанные в прошлом объяснения и идеологические толкования социального поведения, и все это для святости и «крепости в памяти» приписывалось новым проповедникам, «новой» вере. Лишь по мере развития и становления церкви обнаруживается потребность в формировании более последовательного изложения вероучения. И здесь отцы церкви не слишком утруждали себя умствованием, ограничиваясь чаще всего простым заимствованием из того, что было уже известно, наспех приспособлявая или по-иному толкуя разработанные до них положения. Отсюда те бесчисленные противоречия, несуразности, разночтения, разбор которых перегружены исследования по истории религии. Несмотря на все старания богословов, раннее христианство остается не чем иным, как частным случаем, ересью в столь же эклектичной системе иудаизма, если полагаться на «священные» тексты. Противоречивость и алогичность раннехристианских постулатов веры отмечает и С. А. Токарев (с. 93, 94). Можно только удивляться, как церкви удалось спокойно совмещать в качестве священных источников веры одновременно книги Ветхого и Нового завета.

Когда же мы обращаемся не к «богословскому», а к реальному содержанию христианского вероучения, т. е. к тому, как это христианство понималось и воспринималось массой верующих, то мы столкнемся с многочисленными фактами эклектики совсем иного рода. Эти факты хорошо известны этнографам. Речь идет о прорастании в христианство местных языческих культов, поверий, суеверий и пр. (в отличие от подобного же язычества, но изложенного в библейских текстах). Можно наметить (в самых общих чертах) два основных пути такого прорастания. Первый — это восприятие церковью местных культов в христианизированной форме (отождествление местных культов с церковными праздниками). Например, Сочельник и Рождество; Лиго, Иван Купала и день Иоанна Крестителя, Семик и Троица и т. д. и т. п.). В таком случае церковь обволакивает местные языческие культы «покровом» своих святых праздников. Да и само деление веры, культов на христианские и языческие, ставшее традиционным в литературе, весьма и весьма условно. Ведь система культов, признаваемая христианством за свою, неязыческую, часто восходит корнями к подобной же языческой системе, только воспринятой из текстов Библии. К этому прибавлены лишь святые и великомученики, т. е. апокрифические предания о святых, канонизированных церковью. Никакой отработанной и логически увязанной системы вероучения у христианства не было. Канонизация святых шла на протяжении всей истории церкви, в разных странах и течениях христианства складывались свои, особые «списки» святых. Только в новейшее время христианство пытается как-то свести воедино, обобщить и узаконить для всех эту часть своего культа.

Подобное совмещение понятий и постулатов разного по сути происхождения приводило и приводит к парадоксальным явлениям, когда,

например, Илье-Пророку, прежнему богу-громовержцу, посвящается крупный церковный праздник, хотя роль этого Ильи в церковной иерархии не очень значительна. В то же время культовый праздник Богородицы в восточнославянской среде занимает куда более скромное место. В Италии, напротив, культ Мадонны оказывается чуть ли не центральным культом всего христианства — опять же, в восприятии массы верующих. Все попытки церкви, богословов, ратовавших за «чистоту» вероучения, не привели ни к чему в борьбе с подобными явлениями не только потому, что местные культы, приверженность к ним, были слишком сильны. Дело заключалось и в том, что этим местным культам церкви нечего было противопоставить. Не так уж хорошо мы знаем по сохранившимся источникам системы мировоззрения различных язычников, скрытые позднее покровом христианства (и прежде всего, по вине тех же христианских богословов, старательно замалчивавших взгляды своих предшественников). Но и то, что мы знаем о язычестве, свидетельствует о более стройных, чем принято считать, более согласованных, разработанных и логичных системах вероучений о происхождении и строении мира, месте и роли в нем человека, этапах его жизни, не говоря уже о морально-этических нормах поведения. Постепенно накапливается материал, который позволяет надеяться, что можно будет произвести не только частные реконструкции языческих систем у разных групп населения Восточной Европы, но создать более или менее точные модели такого мировоззрения в целом, в наиболее существенных его частях. Христианская церковь не столько боролась с местными культами, сколько испитывала их, включала в свое «вероучение», не очень заботясь о целостности и логичности получавшейся в результате картины. Эта сторона христианства, как и других мировых религий, еще нуждается в специальном исследовании, и статья С. А. Токарева заставляет думать об этом. Но соотношение язычества и христианства приводит не только к такому непосредственному контакту, когда фактически само христианство неизбежно распадается на ряд вероучений, толков, сект и т. п. под влиянием различий в местных культовых и религиозных системах, ложившихся в его основу.

Не менее важен и другой процесс. С самого начала христианство, у славян например, выступает как вероучение и в какой-то степени мировоззрение весьма ограниченной группы местного населения, представителей господствующих классов и слоев, хотя и для них прежние языческие представления и верования продолжали играть весьма длительное время едва ли не решающую роль (напомним хотя бы о двойных именах русских князей!). Для подавляющего же большинства населения сам факт «крещения в новую веру» оставался настолько формальной акцией, что вряд ли принимался всерьез. Отсюда тот дуализм в верованиях, который столь типичен для народного или, как его иногда называют, «бытового православия». С. А. Токарев посвятил целую книжку верованиям восточнославянских народов¹³, где собрал и проанализировал роль, так сказать, младших духов и божеств (лешие, русалки, домовые и т. п.). Конечно, можно квалифицировать все это как «пережитки в религиозном сознании» (что очень устроит церковных богословов), но ведь вера в этих духов дожила до XX века, и даже нам, ученикам С. А. Токарева, в экспедиционной практике приходилось еще встречать людей преклонного возраста, искренне веривших в силу таких духов, в их возможность как-то повлиять на жизнь и деятельность человека. А если обратить внимание на то, что эти младшие духи и божества «ведали» такими важными для крестьян сферами жизни, как лесные и речные угодья, могли предсказать судьбу человека, повлиять на его здоровье, сохранить или погубить скот и т. д. и т. п., то роль и

¹³ С. А. Токарев. Религиозные верования восточнославянских народов. М., 1957.

значение их окажутся, по крестьянским представлениям, не столь уж малы. Ведь практические, а вместе с ними идеологические, духовно-мировоззренческие интересы крестьянской семьи неизбежно сосредоточивались (хотя и не ограничивались только этим) вокруг их дома, хозяйства, здоровья, семьи. Если прибавить к рассматриваемому в книге С. А. Токарева перечню младших членов восточнославянского пантеона еще и многочисленных святых, совмещавших, по убеждению крестьян, чисто христианскую святость с покровительством занятиям простого люда, т. е. всех этих Варвар-капустниц, Власия-покровителя скота, Николая, который, кроме сотворения чудес, «заведовал» ремеслами, торговлей и пр., — то перед нами возникнет достаточно полный пантеон божеств, охватывающий почти все стороны жизни крестьян. Что же остается на долю христианства? Сотворение мира? Объяснение основ мироздания и мироустройства? Но ведь и на эти извечные для нормального человека вопросы крестьяне могли получить свои, а не церковные ответы — их содержали в той или иной степени волшебные сказки, что так убедительно вскрыто работами В. Я. Проппа¹⁴. Могут возразить — это всего лишь сказки. Но чем объяснить их удивительную живучесть в народной памяти? Только ли развлекательностью? Эстетической, художественной ценностью? Может быть, секрет долголетия сказок именно в том, что для большинства населения (это большинство до XX в. превышало 90%!) в них рисовалась довольно подробная картина мироздания, куда более близкая и понятная, чем в таких же библейских сказках, которые могло предложить на сей сюжет христианство? Нет смысла и возможности в статье дальше развивать эту тему и утверждать ее все новыми и новыми доказательствами — а их сыщется немало. Несомненно одно — христианство как вероучение, как философская система обнаруживает, с моей точки зрения, достаточно явную несостоятельность даже в сравнении с теми «языческими» системами, которые могут быть выявлены на основании сколько-нибудь изученных источников. Возможности привлечения новых источников и более внимательного, тщательного анализа уже привлеченных далеки от исчерпания. Весь опыт общения с представителями старших поколений русского крестьянства во время экспедиций заставляет меня критически воспринимать отнесение их к числу православных христиан. Убежден, что столь же относительно было христианство и у других народов Европы. Когда в учебниках или справочниках пишут о господстве христианства, речь идет о господстве определенной церкви, а не вероучения этой церкви. Именно поэтому ко многим положениям статьи С. А. Токарева, где он как бы ставит знак равенства между церковью, официальной религией, религией господствующих верхов и религией всего населения, я бы отнесся весьма скептически. Не в том ли и кроется причина ущербности, неполноты, неразработанности постулатов христианства, что эти проблемы с лихвой восполнялись соответствующими сюжетами предшествующего язычества, а официальная церковь брала на себя «заботы» по очень суженному кругу вопросов часто весьма случайного и произвольного свойства, интересовавших узкий круг богословов?

Одной из важнейших сфер деятельности любой религии и любой церкви является церковная обрядность. Интуитивно и сознательно ложь стремится опереться не на разум, а на чувства, эмоции. Все крупные религиозные течения достаточно тщательно за многие столетия отработали приемы такого воздействия, начиная от места расположения храмов и их формы, до церковной музыки и одежды священнослужителей. Но очень показательны то, что не только явно языческие элементы вторгаются в эту обрядность, — вспомним, например, знамени-

¹⁴ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946; его же. Морфология сказки. М., 1969.

тые «осенние спасы» — яблочный, медовый и ореховый, когда священники вынуждены были становиться садоводами и пчеловодами, чтобы угощать прихожан яблоками и медом в соответствующие дни. Где, в каком из Евангелий вы найдете канон для церковного обряда венчания жениха и невесты? Попробуйте сравнить погребение Иисуса с тем обрядом погребения, который практикует русская православная церковь, и вы опять столкнетесь с тем же — и церковная обрядность формируется исходя не из сложившихся где-то и когда-то канонов, правил, основ веры. Она формируется на сугубо местной основе и далеко не сразу, а постепенно, обрстая столетие за столетием новыми правилами и традициями. То, что воспринимается как религиозная система русского православия, почти во всех своих главных чертах сложилось сравнительно поздно даже в пределах религии и церкви господствующего класса. Доказательством этому служат миниатюры знаменитого Лицевого Летописного Свода XVI в., в которых обряд свадебного венчания отражен в рисунке только начиная с XVI в.¹⁵, а до этого рисовальщики ограничивались обязательным свадебным пиром, хотя обряд венчания и упоминается в тексте. А ведь основной сюжет бытовых рисунков этой официальной летописи — жизнь князей, а не простого люда. Поэтому совсем неудивительно, что, по наблюдениям А. Я. Ефименко, отношение крестьян глухих уездов к совершению церковного обряда венчания или крестин было чисто формальным и в XIX в.¹⁶ И потому одна из основных позиций статьи С. А. Токарева — изучать как религию нужно не мнения богословов, их построения и системы, а реальное бытование религиозных воззрений (заблуждений) — кажется весьма существенной и давно назревшей.

Размеры журнальной статьи заставляют ограничиться лишь некоторыми вопросами из тех, что были затронуты С. А. Токаревым. Другие вопросы, поставленные в его статье, в той или иной степени разбираются в работах оппонентов — участников дискуссии. Несомненно одно — статья С. А. Токарева заставила многих еще раз задуматься о проблемах истории религии как явления в идеологии человечества, о месте этого явления, его действительном значении в истории духовной культуры.

В заключении же данной статьи мне хотелось бы еще раз подчеркнуть следующее: то, что мы нередко понимаем под общим термином «религия» — явление сложное, составное. Собственно религиозные заблуждения в этом понятии нередко переплетены с явлениями совсем иного рода и сущности — действительными знаниями людей, наличием и воздействием церковной организации как социального института, эмоциональным воздействием (различные формы искусства, использовавшиеся церковью для утверждения своего влияния). Расчленив подобный синкретизм, симбиоз не всегда бывает просто и в наши дни. Ведь не так давно, например, установлено и научно объяснено влияние Солнца и Луны на здоровье и психофизическое состояние людей, а уже несколько изменилось отношение к «тяжелым» годам (високосным) и т. п. представлениям, считавшимся до этого простым суеверием. Можно было бы привести немало и других примеров подобного рода. Религиозные представления, заблуждения всегда питаются чужими соками, паразитируя как духовные орхидеи на реальных достижениях челове-

¹⁵ Эволюция в рисунках Лицевого Летописного Свода XVI в., отражающих свадебную обрядность в княжеском быту, прослежена в дипломной работе О. И. Дрожжовой «Свадебный обряд по миниатюрам Лицевого Летописного Свода XVI в.». Работа эта выполнена под руководством автора данной статьи и хранится на кафедре этнографии МГУ. Впервые обряд венчания в церкви помещен в рисунке, отражающем событие 1509 г. — венчание дочери Ивана III Феодосии.

¹⁶ А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни. М., 1884 (статья «Народные юридические воззрения на брак»).

ского труда и разума. Роль и влияние церкви, вероисповедания, «веры» в реальной истории человечества объясняются не столько самой религией, самими постулатами вероучений любого вида и толка, сколько ролью и влиянием реальных достижений человеческой культуры, на которых эти религиозные заблуждения паразитируют. Исследование того, как в реальной действительности происходило (частично происходит и в наше время) смешение действительных знаний, действительной истины с религиозными толкованиями, объяснениями достижений человеческого разума — задача сложная, но вполне достижимая, если мы будем опираться на трезвый анализ конкретно-исторических фактов. К этому призывает весь смысл статьи С. А. Токарева.

CERTAIN CONTROVERSIAL PROBLEMS IN THE STUDY OF RELIGION

The author only touches upon those questions which appear to him to be the most important ones and which are closest to his sphere of interests. He supports S. A. Tokarev's opinion that religion as it exists in the minds of the mass of believers has always widely differed from this or that religious system as it is represented in scientific religious studies and in theology. Religion is indeed a barren flower on the tree of knowledge and only exists as a distorted interpretation of certain elements of real knowledge. The volume of mankind's positive knowledge has always been immeasurably greater than that of religious illusory concepts. An attempt is made in the paper to reveal the unsoundness, the insufficiency and the lack of independence of one of the branches of Christianity, Eastern Slav Orthodoxy. It is shown that the Orthodox cult, the explanations it offers of the structure of the Universe and its other aspects have evolved gradually in the course of historical development, absorbing many elements of East European local pagan cults. The author disagrees with S. A. Tokarev's view that religion plays any substantial role in the growth of culture, since, in his opinion, the role ascribed to religion belonged rather to the church as a social institution. The author considers that similar traits, i. e. lack of independence and a fairly late development based on local cult traditions, is characteristic also of other broad religious systems or denominations (Catholicism, Islam, etc.).